

Модерн, постмодерн и город

Модерн и постмодерн: дискуссия

Берман в своей замечательной книге (Bergman, 1983) предпринял попытку пересмотреть культуру капитализма через исторический опыт *модерна*. Модерн представляется как концепция, связующая два взаимозависимых трансформирующих процесса. Первый из них — объективный процесс *модернизации*, многообразное единство социоэкономических перемен, вызванных научными и техническими открытиями и изобретениями, промышленными переворотами, перемещениями населения, урбанизацией, формированием национальных государств и массовых политических движений, причем движущей силой всего этого выступает расширяющийся капиталистический мировой рынок. Второй процесс — культурное видение, сопровождающее в противоречивой форме эти обвальные изменения — *модернизм*, бесконечное разнообразие идей, возникших при ниспровержении старого порядка. Эти идеи делают людей субъектами и объектами модернизации, но в свою очередь, наделяют их силой изменить те взаимоотношения, которые преобразуют их. Такая трансформация личности посредством увеличения силы индивидуума и расширения опыта создает концептуальную обратную связь от субъективного к объективному через общую концепцию *развития*: саморазвития и экономического развития. Модерн — это опыт экономического процесса и культурного видения.

С какого момента модерн берет начало? Ответ, который дает на этот вопрос революционный подход Бермана к историографии, не может не вызвать сомнений у критиков. По мнению Бермана, начало модерна относится примерно к 1500 г., когда возникла заметная протокапиталистическая система мировой торговли и началась экспансия на некоторые европейские национальные рынки. Но приблизительно до 1790 г. ощущение перемен не могло стать предметом дискуссий из-за отсутствия каких-либо общепринятых терминов. Поэтому начало модернизма как такового Берман связывает с появлением литературной и художественной культуры, в которой противоречия нового преобладающего способа производства и то,

как он преобразует материальный и духовный мир, и восхвалялись, и поносились. Характерными символами модернизма, культурным выражением модернистского опыта объявляются слова Гете и Бодлера соответственно о Фаусте, «расковыливающим себя, сковывая море» (Berman, 1983: 24) и о новом опыте, и освобождающем и пугающем, о городской технике Парижа, навязывающей изменение старых привычек телесного восприятия. На примере развития модерна в искусстве, музыке и архитектуре Берман показывает, как противоречия модерна вызвали единство точек зрения левых и правых политиков, например, Маркузе и Ливиса, осуждавших модерн как «железную клетку конформизма», как «духовную пустыню для народов, лишенных органического единства» (Anderson, 1984), в то время как Маринетти, Корбюзье, Бакминстер Фуллер и Мак-Луан прославляли его за порождаемое машинами возбуждение и технологическую отвагу.

Модерн, согласно Берману, — это разновидность пространственно-временного опыта, обещающая приключения и преобразование личности, одновременно угрожая разрушить знакомое окружение. Он рассекает географические, этнические, классовые, религиозные и идеологические границы, выступая как объединяющая сила, но одновременно расчленяя подобные основания для коллективной идентификации. И это ведет в конечном счете к выражению неуверенности, сопутствующей модерну, к вопросу, каким образом можно уберечь идеалы общественной солидарности и взаимопомощи, если любые новые социальные отношения размываются потоком модернизма, прежде чем они успевают обрести более или менее устоявшуюся форму? Берман дает ответ в духе «назад в будущее», призывая существовавшие в XIX в. традиции видения модернизма к созданию обновленного, общественного модернизма XXI века, непреднамеренно солидаризируясь в этом отношении с Рэймондом Уильямсом в его «К 2000 году» (Williams, 1983), хотя во всем остальном они занимают совершенно противоположные точки зрения.

Критики в основном относятся к тезисам Бермана благожелательно и не выходят за поле дискуссий, созданное его сочинением. Наиболее тщательную оценку работы Бермана приводит Андерсон (Anderson, 1984), выделяя три важных момента, помогающих отточить аргументацию Бермана, закладывающих основы для более четкого обоснования модерна, и ведущих к развитию концепции *постмодернизма* (альтернативное обоснование см. Lyotard, 1984).

Сперва Андерсон подвергает критике индивидуалистический подход Бермана, особенно сделанное последним ударение на психологии субъективизма под влиянием модернистского опыта. Соглашаясь с правомочностью дискуссии о модернизации как о структурном единстве процессов, он приходит к выводу, что в книге Бермана отсутствует концепция общественного (т.е. классового) порядка и движения, напряжения политической борьбы. Отчасти он винит в этом тенденцию многих авторов, пишу-

щих о модерне, отождествлять его с техникой, забывая о людях, которые ее производят и ею пользуются. Но он также подвергает сомнению то, как Берман интерпретирует марксистскую теорию капиталистического развития. Берман понимает его как линейный процесс, выражающийся в непрерывно расширяющихся пределах мирового рынка. Маркс в *Grundrisse* (Marx, 1973), указывает Андерсон, рассматривает капиталистическое развитие скорее как параболу, идущую на убыль после достижения наивысшего расцвета производительных сил — точки, также совпадающей с максимальным развитием личности. Линейная, недифференцированная, практически лишенная периодизации бермановская теория модернизации забывает о важнейших этапах развития капитализма: конкурентном, монополистическом, глобальном — которые, считает Андерсон, существенно влияют на изменения в рамках модернизма, а следовательно, и на модернистский опыт. В этой связи Андерсон подвергает сомнению отождествление Берманом модернизма с конкурентным капитализмом, стартовавшим в начале XIX в., указывая, что истинный модернизм, особенно выражающийся в искусстве, должен рассматриваться в основном как продукт XX века, но не раньше.

Второй важный момент, выделяемый Андерсоном — то, что такой подход к модернизму резко высвечивает *географическую* неравномерность его фактического распределения. Даже в Европе и в важнейших обществах развитого Запада, а именно в Англии и в Скандинавских странах, практически не возникло долговременных модернистских движений, в отличие от Германии, Италии, Франции, России и Америки, и даже Нидерландов. Хотя Андерсон никакого объяснения этому не приводит, и, вероятно, недооценивает — по крайней мере, для Англии — некоторые достаточно важные всплески модернизма в более поздние времена, несомненная неравномерность развития модернизма в странах, которые в других отношениях вполне *модернизировались*, в какой-то мере подрывает тезис Бермана.

Наконец, Андерсон критикует концепцию Бермана об однородности модернистского культурного опыта. То, что он называет модернизмом, на самом деле является смешением весьма разнородных и зачастую взаимно противоречащих движений — символизма, экспрессионизма, кубизма, футуризма, конструктивизма, сюрреализма и т.д. В целом линейное представление Бермана о модернизме заставляет его, — по мнению Андерсона, ошибочно, — обратиться к индивидуальному сотворению в XIX веке представлений о будущем, и рассматривать модернизм как постоянно возобновляемый классический дух.

Проведенная самим Андерсоном альтернативная анатомия модерна основана на анализе, который учитывает:

- 1 сильно формализованный *академизм* в искусстве государств с доминирующими аристократическими, землевладельческими классами.

- 2 неожиданное появление в таких странах новой техники, такой, как телефон, радио, автомобили и авиация, при отсутствии социальных условий для массового потребления этой техники.
- 3 «воображаемую близость» социальной революции.

Таким образом, бунтарские культурные формы, вдохновляемые новой техникой, могут вступать в конфронтацию с политически архаичными структурами и «ниспровергать» их культурные основы одновременно с тем, как сами эти структуры постепенно заменяются буржуазной демократией. Далее Андерсон указывает, что все эти три аспекта были уничтожены после Второй мировой войны общим подъемом фордизма в Западной Европе вслед за Соединенными Штатами – фордизм по сути является воплощением технологии, консолидирующей стабильную, индустриальную капиталистическую цивилизацию, чьи объекты не обладают той глубиной и психической энергией, которые, например, ранее находил сюрреализм в сочетании форм потребительских товаров (Jameson, 1971: 96). Андерсон со своим анализом, хотя по-своему интересным, попадает в ту же ловушку, что и большинство авторов на тему модернизма, которую он же сам ранее определил как отождествление модернизма с новой техникой – в случае Андерсона это как техника процесса, так и ее продукт, которые и определяют «фордизм» как способ дискурса при рассуждениях о послевоенных производственных и потребительских отношениях в Европе.

Тем не менее, Андерсон оказывает большую услугу, заметив культурный разрыв, имевший место в первые послевоенные десятилетия, и используя его для перевода дискуссии с модерна на *постмодернизм* (Jameson, 1984). Джеймсон в своей статье использует анализ пространства и, в частности, городского планирования и развития, для разработки определения постмодернизма, оглядываясь на подход Бермана, определяющего модерн через описание в своей книге Парижа, Петербурга и Нью-Йорка эпохи модерна. Многие из своих тезисов Джеймсон выводит, сопоставляя теории о развитии позднего капитализма с формами застройки и социальными отношениями в современном городе. Ключевой момент в его рассуждениях – Бонавенчер-Центр в Лос-Анджелесе, эта икона постмодернистского развития, как и квартал Пичтри в Атланте, Истон-Центр в Торонто и Бобур в Париже. К ним можно прибавить некоторые образцы новой архитектуры центрального Лондона, особенно в Сити – такие, как Ллойд-Иншурэнс-Билдинг Роджерса и комплекс Бродгейт, а также планы строительства огромных башен на восточной окраине лондонского финансового центра, в Кэнэри-Уоф и Доклендсе. Этот стиль также представлен новыми зданиями в Гонконге, такими, как Четыре Биржи и Гонконгский и Шанхайский Банк, в Канаде в центральном Ванкувере и Эдмонтон-Мэлл, и в таких американских городах, как Детройт, Денвер

и Даллас. Монументальные местные формы он принимает в зданиях Рикардо Бофилла в Париже и Монпелье.

Что же это за стиль? Джеймисон указывает, что ядро постмодернизма зародилось в дискуссиях об архитектуре и окружающей застройке, и основано на критике высокого модернизма или Интернационального стиля, представленного в творениях Фрэнка Ллойда Райта, Корбюзье и Миза Ван Дер Роэ. Этот стиль в настоящее время вызывает отрицательные ассоциации с разрушением традиционных городских форм и более старых соседских культур. Наоборот, постмодернизм заявляет о себе как об *эстетическом популизме*, символом которого выступают работы одного из его ведущих представителей, Роберта Вентури и его книга «Учимся на примере Лас-Вегаса» (*Learning from Las Vegas*). Постмодернизм стирает границу между высокой и массовой культурой и воплощает многие аспекты так называемой «культурной индустрии», чью массовую продукцию презирали все привратники культуры, и правые, и левые, от Ливиса до Адорно. Постмодернизм вдохновляется духом «паралитературы» залов ожидания, мыльных опер и рекламы. Однако, эта форма, хотя и сознательно поверхностная, не обходится без связей с более глубокими структурами, — указывает Джеймисон. Он отвергает аргументы, уравнивающие постмодернизм с «постиндустриальным обществом» Дэниэла Белла или с еще более поверхностными понятиями «информационного», «электронного» или «высокотехнологичного» обществ, каждое из которых старается показать, как новые социальные формы вырываются из рамок классического капитализма. Наоборот, Джеймисон заявляет тождество постмодернизма с третьим этапом в эволюции капитализма (Mandel, 1975), «чистым» этапом Позднего (или Глобального) капитализма, следующим за его конкурентным и монополистическим этапами. Модернизм, считает Джеймисон, так же сопутствует монополистическому капитализму, как постмодернизм — глобальному капитализму.

Однако, в отличие от Бермана, Джеймисон рассматривает постмодернизм как нечто большее, чем просто однородный и уравнивающий стиль; он называет постмодернизм «культурной доминантой, допускающей наличие и сосуществование широкого спектра самых разных, но подчиненных друг другу свойств» (Jameson, 1984: 56). Особенно четко постмодернизм представлен в формах городской застройки, поскольку архитектура и городское планирование тесно связаны, с одной стороны, с экономической сферой и ценами на землю, а с другой стороны, с покровительством мультинационального бизнеса.

Подводя итог, Джеймисон называет следующие черты постмодернизма: новая поверхностность, основанная на культуре телевизионных образов; ослабление историчности перед лицом новых, ускоренных форм частной мимолетности; благоговение перед «новой техникой» как перед ключевой эмблемой новой мировой экономической системы; и измене-

ния в прожитом опыте самого застроенного пространства, в котором главными ожидаемыми эффектами являются доминирование и дезориентация. Мы не обладаем, — продолжает Джеймисон, — чувственными механизмами, соответствующими этому новому *гиперпространству* застроенного окружения, заявляющему о себе как о тотальном пространстве, законченном мире, миниатюрном городе, обеспечивающем условия для нового способа объединения индивидуумов — *гипертотлы*.

В таких кварталах зеркальная поверхность зданий отталкивает внешний мир точно так же, как зеркальные очки создают взаимоотношения агрессии-пассивности между их носителем и наблюдателем. В Лос-Анджелесе, Далласе, Атланте и других местных гиперпространствах сами эти комплексы открывают глазу лишь искаженное изображение всего, что их окружает. Лифты и эскалаторы внутри гиперпространств отправляют субъекта в тревожное вертикальное путешествие, сознательно лишая индивидуума способности выбирать свой путь. Джеймисон рассматривает эту навязанную дезориентацию как метафору «неспособности наших умов в данный момент начертить план великой глобальной мультинациональной и децентрализованной коммуникационной сети, в которой мы пойманы как индивидуальные субъекты» (Jameson, 1984: 84). Он заканчивает призывом к выработке новых форм познавательной ориентации, соответствующей бы этим новым глобальным и местным гиперпространствам. В качестве отправной точки он предлагает подход Кевина Линча (Lynch, 1960) к декодировке пространства посредством своего рода «морской лоции». Пространственные «границы» и «узлы» Линча помогают связать воображаемые и реальные условия существования способом, который, по Джеймисону, учитывает постструктуралистское откровение о том, что не может быть никаких истинных карт, никакого соответствия между текучестью мира и статичной системой концепций, которую мы на него накладываем (Dews, 1986).

В критическом отзыве на этот анализ постмодернизма Дэвис (Davis, 1985) пытается, как и Андерсон, когда тот возражает Берману, только уточнить предложенную концептуализацию, а не опровергать ее. Он делает три критических уточнения.

Во-первых, он упрекает Джеймисона за неспособность аналитически отделить концепцию постмодернизма от опыта постмодернизма, так, как поступил Берман в своем трактате о модерне. Это дает основания обвинять Джеймисона в том, что он спутал субъект с объектом. Таким образом, чтобы анализ Джеймисона стал работоспособным, он нуждается в бермановском различии между опытом *постмодерна* и культурном видении *постмодернизма*. Однако, чтобы дополнить триаду, явно необходимо учитывать также экономический процесс *постмодернизации*, хотя Дэвис этого не делает (попытку дать ей определение см. Cooke, 1986).

Во-вторых, попытка Джеймисона уравнивать постмодернизм с манделевской концепцией позднего капитализма рассматривается как ненуж-

ное упрощение. Более того, функциональная эстетика того, о чем Манделъ говорил и писал как о позднем капитализме (ок.1968-73), представляет собой скорее предсмертный вздох Высокого модернизма или Интернационального стиля, как он представлен в нью-йоркском Всемирном торговом центре или в Сирс-Билдинге, нежели постмодернизм. Между прочим, это замечание Дэвиса выглядит столь же упрощающим, хотя более обоснованным хронологически.

И это в некотором отношении лишает силы последнее утверждение Дэвиса о том, что Джеймисону следовало бы выявить существенные взаимосвязи между постмодернистской этикой, новой техникой воспроизводства (а не производства) и современной формой мультинационального капитализма, поскольку сам он делает это неудовлетворительно. Альтернативная попытка Дэвиса связать постмодернизм с определенным этапом капиталистического развития обладает двумя измерениями. Их следует интерпретировать в смысле

- 1) расширения международного экспорта капитала в текущей кризисной фазе капитализма (напр., «рейганомические» учетные ставки в США вызвали приток иностранного капитала);
- 2) отказа от идеала городской реформы, что явилось одной из причин нового классового расслоения в США.

Но неясно, почему из взаимодействия этих двух социополитических сил должна была возникнуть новая эстетика в формах городской застройки. Иными словами, более утонченное рассмотрение Дэвисом подъема постмодернизма лишено удовлетворительного *культурного* обоснования. И кроме того, этот подъем не обязательно вызван экономическими причинами. Ноборот, если трехмерный анализ Андерсона (Anderson, 1984) облечь в постмодернистские одежды, нам придется обратить серьезное внимание на присущий самому модернизму всеподавляющий академизм и на вызов этому блоку интересов, который бросается изнутри – напр., здание «Эй-Ти энд Ти» Филипа Джонстона с его чиппендейловским фронтоном, – или извне – напр., здание Общественных служб в Портленде (Орегон) Майкла Грейвса или прославление Лас-Вегаса у Вентури.

Постмодернизм нужно понимать как деформированную критику элитарности Высокого модернизма, отталкивающуюся от распространенного представления о том, что «обрубки» Миза и башни Корбюзье разрушают общину и городской комфорт. Она включает в себя известную «децентрализацию» (Derrida, 1978: 280) культуры прочь от эстетики Высокого модернизма в сторону более популярного определения культуры как «того, что показывают по телевизору». Отсюда здания, похожие на коробки конфет (Грейвс), холлы отелей, похожие на мыс Канаверал (Портман),

небоскребы, похожие на чиппендейловскую мебель (Джонсон), хотя последние, очевидно, апеллируют и к элите.

Постмодернизация и социальное пространство

Если мы согласны с тем, что дух постмодернизма присущ социоэкономическому процессу постмодернизации, каковы же ключевые характеристики последней и какова природа постмодернистского опыта?

В предыдущей статье (Сooke, 1986) я указывал, что в социоэкономической динамике Великобритании, а также в различной степени в экономике других стран ОЭСР произошел четкий разрыв, заметный в 1980-е гг., но в скрытом виде, вероятно, существующий примерно с 1975 г. (Albertsen, 1986). Современность можно противопоставить периоду с 1945 по 1975 гг., который я называю эрой «модернизации», конкретно модернизации британского капитализма (см. также Massey, 1984). Она состояла из следующих реалий: предполагавшегося нравственного превосходства государственного регулирования над рыночной экономикой в ключевых сферах социальной и экономической жизни, выражавшегося в широком строительстве социального жилья, политики перемещения рабочей силы для преодоления выравнивания зарплат и цен, и широко распространенного обобществления как основных производственных отраслей, так и необходимых условий для общественного воспроизводства. Несмотря на аргументы Аглиетты (Aglietta, 1978), Липитца (Lipietz, 1982), Андерсена (Andersen, 1984) и Дэвиса (Davis, 1985), я не думаю, что эта эра модернизации совпала с триумфом фордизма в Великобритании, поскольку ни полное массовое производство, ни массовое потребление как способы регулирования по американскому образцу не укоренились в Великобритании хотя бы в той же степени, как, скажем, в Италии (напр., ФИАТ по отношению к Турину). Британское сочетание Кейнса с Бевеиджем породило тип регулирования, более характерный для Скандинавии, чем для Детройта.

Далее я утверждаю, что модернизация обладала собственной «пространственной парадигмой» как в общем смысле, так и в том смысле, что в ее ходе сохранялись или создавались особенно представительные виды социоэкономического пространства, в том числе три важнейшие: старые викторианские индустриальные районы, которым просто не позволили умереть, как продиктовали бы рыночные императивы; Новые города и Расширяющиеся города, созданные как символы стремления к «безклассовому эгалитаризму»; и периферийные пригородные и внутригородские кварталы социального жилья. В этих местностях отразилось недолгое возвышение динамичной социальной страты того времени, а именно квалифицированного и полу-квалифицированного рабочего класса, голосующего за лейбористов. В более общем смысле социо-пространственная парадигма модернизации включала:

1. относительно равномерное географическое распределение процессов модернизации по периферии, полупериферии и пригородам;
2. частичное сближение по доходам и уровню занятости различных классов и регионов;
3. характерную установку на производство стандартизированных продуктов для массовых рынков, нацеленную на масштабную экономику;
4. экономическое развитие в тесном приближении к новой среде «коллективного потребления»;
5. характерное для квалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы требование надежных рабочих мест «на всю оставшуюся жизнь».

Постмодернизация, как я ее называю, была создана и как идеология, и как совокупность практик со специфическими пространственными парадигматическими эффектами после того, как модернизация не справилась с задачей оживления британской экономики. Принципы, лежащие в основе постмодернизации, включают: обращение к неограниченным рыночным отношениям как к источнику экономического успеха, отказ от «государства-нянечки» с его слишком благодушным отношением к «подранкам» общества и экономики, ослабление установившихся отношений солидарности на рабочих местах и возвышение частной сферы над общественной в вопросах культурного и социального обеспечения. Социо-пространственная форма постмодернизации состоит из:

- 1) заметно неравного распределения характеристик постмодернизации (напр., возникновение существенных различий между Севером и Югом);
- 2) эмпирического расхождения классов и регионов по доходам и уровню занятости;
- 3) установки на производство индивидуализированных товаров для рыночных ниш, ориентированных на экономику «разнообразия»;
- 4) экономического развития в районах приватизированного потребления (внешний метрополитенский «солнечный пояс»);
- 5) ограниченных и ненадежных возможностей на рынке труда – напр., рост случайных заработков, неполная занятость, неформальная деятельность.

Территории, на которых социо-пространственная парадигма постмодернизма выражена наиболее четко, находятся не только на Юге, но в большинстве своем являются малыми и средними отрезками Лондона: Гилдфорд, Олдершот, Бейзингсток, Уинчестер и Саутгемптон (ось М3); Слау, Рединг,

Ньюбери и Суиндон (ось М4); Хертфорд, Харлоу, Кембридж и Ньюмаркет (ось М11). На Севере в число «южных» городов входят Честер, Йорк, Линкольн и Ланкастер, испытавшие подъем сперва в послеримскую, а затем в постмодернистскую эпоху. Все эти местности обязаны своим нынешним процветанием наличию отраслей, воплощающих технически наиболее передовые социальные отношения и способы производства, или наличию крупных высокотехнологичных военных и гражданских производств, или же, наконец, тому, что они являются центрами процветающей индустрии услуг для производителей (банковское дело, финансы, страхование, деловые услуги, научно-исследовательские и конструкторские работы).

В сущности, на этих территориях социально доминирует самая динамичная прослойка нынешней эпохи, «класс служащих» (Abercrombie and Уггу, 1983). Численность этого класса, состоящего из предпринимателей, менеджеров и профессионалов, между 1971 и 1981 гг. выросла до 475 тыс. человек (данные переписи населения), и в 1981 г. составляла 13,2% рабочей силы по сравнению с 11,0% в 1971 г. В 1982 г. 87% «служащих» были собственниками своего жилья, 85% имели центральное отопление, 22% пользовались частным медицинским страхованием, 25% курили, 37% имели в домашнем хозяйстве 2 автомобиля, 17% владели посудомоечными машинами. Соответствующие цифры для полуквалифицированных рабочих, занятых физическим трудом, составляют 35%, 44%, 2%, 41%, 7% и 1% (Thrift, 1987).

Пространственную неравномерность роста этого класса с 1971 по 1981 г. в типичных «северных» и «южных» местностях продемонстрируем на следующих примерах: в «северном» графстве Тайн-энд-Уир изменение составило -2,1%, в то время как в «южном» Беркшире оно равнялось +3,5%, а в среднем по Великобритании +1,4% (Thrift, 1987). Рост «класса служащих» совпал с сокращением рабочего класса. Доля мужчин, занятых квалифицированным, полуквалифицированным и неквалифицированным физическим трудом, упала с 61,7% в 1971 г. до 56,3% в 1981 г., а доля женщин — от 43,4% до 36,5% за тот же период. Незанятость, конечно, росла повсюду, но разрыв в уровне незанятости между Югом и Севером, уменьшившийся до 32% в 1971 г., к 1984 г. достиг 59% (Cooke, 1986). Тем не менее, и на процветающем Юге в Большом Лондоне насчитывалось более 400 тыс. безработных, а в отдельных местностях уровень незанятости был таким же, как и на Севере.

Итак, социологический профиль эры постмодернизма следующий: развитие социальной структуры в форме «песочных часов» с расширяющимся классом служащих, сокращающимся рабочим классом и расширяющимся низшим классом безработных, полужанятых и «низкооплачиваемых» трудящихся, занятых на неполной и (или) случайной работе, которую обычно находят в точках общепита и на бензоколонках.

Представленная здесь картина для Великобритании соответствует картине для США, приведенной Дэвисом (Davis, 1984; 1985). Дэвис говорит

о духе постмодернизма, восставшем против функционалистского «доминирования полезных ценностей» Высокого модернизма, и легкомысленно производящим «стандартизованное пространство в красивой упаковке на вкус клиента» (Davis, 1985: 110). Возможности для этого предоставили нефтяные доллары, долги Третьего мира, военные расходы и глобальное бегство капитала в американскую гавань. Все это, в свою очередь, привело, по словам Дэвиса, к гипертрофированному увеличению занятости в сфере услуг для производителей, что само по себе — тревожный симптом перенакопления финансов. Более того, в сочетании с реструктуризацией производственных отношений, нашедшей выражение в процессе постмодернизации, Дэвис вопреки Джеймисону (Jameson, 1984) делает вывод, что постмодернизм не следует отождествлять с новым этапом капиталистического развития; скорее, это возврат к чему-то вроде примитивного накопления, основанного, в частности, на сверхэксплуатации городского пролетариата.

Созданные постмодернизмом формы можно объяснить в социоэкономическом контексте постмодернизации, классовой поляризации, переизбытка рабочей силы, перенакопления капитала и возникновения того, что Дэвис (Davis, 1984) называет *сверхпотребительством*. Все это является следствием углубления и расширения внутренней экономической базы США в капиталистическом смысле, особенно благодаря экспансии все более «квалифицированного» высокооплачиваемого труда и развитию Солнечного пояса. Продолжающийся рост прослойки нуворишей в сочетании с расширением занятости в сфере контролируемых услуг в штаб-квартирах мультинациональных корпораций, банках, консультационно-исследовательских фирмах, в производстве программного обеспечения и т.д. стимулировал массовые вторичные экономические потребности в таких услугах, как частное здравоохранение и общепит. И произошедший следом правый поворот в политической культуре был основан на стремлении защитить дорогостоящую собственность и сохранить в достаточном количестве дешевую рабочую силу, которая бы обслуживала потребности сверхпотребления. В таком контексте постмодернистские башни являются крепостями, защищающими новых богатых от новых бедных, в которых первые тем не менее нуждаются, но не подпускают к себе близко. Таким образом становится понятным существование гиперпространств, куда закрыт доступ пешеходам. Метафору, нашедшую выражение в поздних стилях, можно усмотреть в застройке Манхэттена с его коническими и зубчатыми башнями; одна из них даже окружена рвом и снабжена подъемными мостами (Davis, 1985).

Две коротких экскурсии: Лос-Анджелес и Лондон

Означает ли постмодернизм возрождение «города» как четкой концепции после десятилетия, в течение которого его отличия от не-города, кажется, все больше размывались (см. Paris, 1983)? Возможно, лишь в этом

смысле постмодернизм возрождает четко выраженный город как центр, из которого контролируется коммуникационная сеть глобального капитализма и его информационные системы (в том числе и конференции, совещания, симпозиумы и т.п.), и из которого производится надзор за населением страны и мира, город как место, где зарабатываются сверхдоходы, как районы, поставляющие дешевую рабочую силу на службу корпоративному сверхпотреблению (официанты, шоферы, уборщики, продавцы, персонал отелей, охранники и т.д.), и особенно как здания, в которых происходит эта деятельность, сконцентрированные на относительно четко определенных, не обязательно централизованных пространствах. Вокруг этих пространств вполне могут существовать этнические анклавы, ужасающие гетто (Damer, 1974) и вымирающие резервации коллективного потребления – переплетение противоположностей, выражающее повышенную семиологию города при капитализме. Здесь уместен проведенный Кастеллсом (Castells, 1977) анализ того, как идеология структурирует пространство посредством *законодательства*, выдавая частные интересы за общественные, и *коммуникации*, транслируя общепринятые смыслы. Эта система городских знаков выдает частные интересы интернационально доминирующего класса в практике обмена, принуждения и сегрегации за что-то общепринятое и несколько не исключительное.

Лос-Анджелес

Лос-Анджелес является версией такого сверхпотребляющего, социально поляризованного, глобально-локального, постмодернистского города, который я пытаюсь описать. Правдоподобное прочтение его символов недавно привел Сойя (Soja, 1986), основываясь на более ранних работах (Soja, Morales and Wolff, 1983; Soja, Heskin and Cenzatti, 1985). Одиссея Сойи по Лос-Анджелесу затрагивает многие из уже обсуждавшихся тем. Он начинает с того, что очерчивает так называемый Шестидесятимильный круг с центром в Городской ратуше. Этот круг, фактически являющийся границей Большого Лос-Анджелеса, проходит по поразительному количеству «бастионов»: начиная с пятичасовой отметки и двигаясь против часовой стрелки, лагерь Пендлтон (Морская пехота США), военно-воздушная база Марч, военно-воздушная база Нортон, военно-воздушная база Джордж, военно-воздушная база Эдвардс, военно-воздушная база Окснорд, и на десятичасовой отметке седьмой и восьмой бастионы в Центре военно-морских строительных батальонов и в Военно-морском и военно-воздушном ракетном центре. Что они защищают, спрашивает Сойя? Может быть, Лос-Анджелес как порт на Тихоокеанском побережье с численностью занятых на производстве, превышающей аналогичные показатели Большого Нью-Йорка (250 тысяч рабочих мест на высокотехнологичном производстве по сравнению со 160 тыс. в Силиконовой до-

лине), крупный получатель расходов Министерства обороны на исследования и производство; и прежде всего новый постмодернистский городской Центр, отражающий вызов, брошенный Лос-Анджелесом Сан-Франциско как банкиру Тихоокеанского побережья и сопредельных районов.

Щупальца этих функций вырастают вместе с коридором услуг для производителей по бульвару Уилшир на двадцать миль до Санта-Моники; по «Аэрокосмической аллее» от Санта-Моники на юг через обширные землевладения «Хьюз Эйркрафт», TRW и «Рокуэлл» мимо Международного аэропорта Лос-Анджелес к графству Ориндж, комплексу высоких технологий, находящемуся еще южнее. Между ними плотно набиты социально разграниченные жилые кварталы — от помешанного на здоровье Миши-Вьехо, завоевавшего в 1984 г. больше олимпийских медалей, чем 133 из 140 стран-участниц, через сегрегации маленького Токио, маленькой Кореи, Чайна-тауна и маленького Вьетнама (в округе Ориндж) до по-прежнему сильно замкнутого Уоттса и «баррио» Восточного Лос-Анджелеса. А в центре этого ковра, повернувшись спиной к мозаике, которая создавалась при его же участии, защищая свои интересы и отражая внешний мир, высится Бонавенчер:

...как и многие другие... городские цитадели... представляя собой концентрированное воплощение реструктурированной пространственности Позднего капиталистического города: фрагментированный и фрагментирующий, однородный и уравнивающий, в привлекательной упаковке, но странным образом непостижимый, открыто выставляющий себя на обозрение, но постоянно стремящийся замкнуться, изолироваться, отгородиться (Soja, 1986).

Лондон

Лондон является прототипом постмодернистского Лос-Анджелеса. Его глобальное доминирование в сфере финансового капитала окончательно приобрело физическую форму, когда на руинах «битвы за Англию» в 1950-х и 1960-х гг. поднялось характерно многоэтажное, спрятавшееся за шторами лондонское Сити. Но эти чисто модернистские стеклянные ящики на Лондонской стене вот-вот будут снесены, расчищая путь небоскрегам в манхэттенском стиле, таким, как выразительный Нэтуэст-Билдинг или сооружения в духе Мессано, например, Ллойд-Иншурэнс-Билдинг, у которых, как и у Бобура, канализация вынесена наружу вполне в соответствии с парадоксом Деррида (Derrida, 1981) о внешности и изнанке, когда «чистая» изнанка должна быть защищена от «нечистого», от внешних излишеств или крайностей. Разумеется, не случайно, что предложение о постройке здания в духе Высокого модернизма, навеянного творениями Миза («огрызок Палумбо»), между Английским банком и Мэншн-Хаузом, воплощающим классицизм викторианского Сити, было отвергнуто в 1985 г. министром по окружающей среде на том основании,

что оно внесет чересчур эскетический элемент в «живой», хоть и несколько обшарпанный викторианский пейзаж. Модернизм уже устарел.

Одна из великих перемен, подтверждающих возникновение в Лондоне постмодернистского социального и экономического пейзажа, недавно послужила темой для серии пронизательных статей Нила Эшерсона (Neal Ascherson, 1986a; 1986b; 1986c; 1986d). Многие из его аргументов можно привести в его же словах; его анализ начинается со следующего:

...Лондон – больше не пролетарский город (если он когда-то был им). Индустриальные рабочие покинули город, а сменившие их миллионы мужчин и женщин ищут и бросают случайную работу, служа продавцами, секретарями, портными, посыльными, уборщиками, ведут полу-студенческое существование на краю СМИ или вовсе не имеют занятия. Лондон движется назад во времени, становясь городом плебеев, беспокойной массы, которую не может объединить и организовать никакой профсоюз или партия (Ascherson, 1986a).

И в этом силовом поле социальной реструктуризации, последовавшей за деиндустриализацией, происходят дальнейшие изменения:

Под поверхностью Лондона чувствуется непонятное бурление. Нечто стремится к поверхности, а когда та будет прорвана, произойдет – как мне начинает казаться – создание нового, почти непостижимого типа городского общества... Это «нечто» – деньги среднего класса... Ибо настает пора большой наживы. Это вопрос времени и поколений. Джеймс и Лавиния Юпсли, журналисты примерно тридцатилетнего возраста, живут в заложенном доме в Ислингтоне стоимостью в 120 тысяч фунтов... Сейчас старые обитатели домов и квартир, доставшихся за «волшебные деньги», понемногу умирают. Их наследники распродают ненужную им собственность... Даже после выплаты заданных и налогов, обладание суммой в полмиллиона фунтов стерлингов на текущие расходы становится обычным делом (Ascherson, 1986b).

Эти деньги тратятся не только на показное потребление, но и на частное образование и на

...слуг, возрождающихся к жизни наряду со многим другим... приходящие слуги, как в Йоханнесбурге, садятся в 5 утра на поезд в далеком пригороде, чтобы потом весь день носить униформу горничной или даже ливрею дворецкого... проспект многоквартирного дома в Бэйзуотере снабжен портретом «симпатичной викторианской служаночки, сплошь в белых кружевах и черном бомбазине» (Ascherson, 1986b).

И демонстрируя, что это не фантазии, Эшерсон цитирует слова героя Фолклендов, сэра Рэймонда Лайго, ныне генерального исполнительного директора «Бритиш Аэропейс»:

«Массовая занятость в индустрии услуг, – говорит он, – обязана своим существованием людям, действительно предоставлявшим физические услуги в отелях и сфере отдыха тем, кто занят производительным (!) трудом, но, что столь же важно, возврат к надомным услугам был неизбежен»... Новый правящий класс стремится купаться в богатстве... ведя такой образ жизни, богатым остается лишь исполнять свои обязанности (Ascherson, 1986c).

Разумеется, богатые наследники не являются единственными сверхпотребителями в современном Лондоне. Большой Лондон, так же, как и Большой Лос-Анджелес, имеет свои Аэрокосмические аллеи в Уэйбридже-Олдершоте и Хертфорде-Стивенэйдж. Его щупальца высоких технологий протянулись вдоль шоссе М3, М4 и М11. Но прежде всего у него есть Лондонское Сити, доньяне остающееся одним из трех главных финансовых центров мира, сейчас взрывающееся от неурегулированности, метафорически повторяя «Большой взрыв». В ходе американизации Сити получают распространение огромные жалованья и подарки в форме «золотых приветствий», как и «золотых рукопожатий» (Thrift, 1986). Кроме того, в Лондоне тоже есть заметные этнические меньшинства, чьи общины образуют сегрегации в Саутхолле и Брикстоне. Возможно, таков будет типичный постмодернистский город – бедные люди в сверхбогатом мире, причем хозяева последнего напоказ, хотя и не забывая о безопасности, тратят деньги на великолепные резиденции, замки-офисы и роскошную свиту. Можно предположить, что такое поведение спровоцирует восстания, но постмодернистская Британия в целом выглядит не более бунтарским обществом, чем США. Городские массы обеих стран ошеломлены вторжением тэтчеризма, рейганомиики и мирового индустриального спада в их мир относительно стабильной занятости, надзор за ними осуществляется более искусно, чем когда-либо прежде, а методы социального контроля что в Британии, что в США становятся все более жесткими. На данный момент мы лишены не только адекватной картографии глобального капитализма, у нас нет даже политических карт нашего собственного двора.

Итоги

Если модернизацию, модернизм и модернистский опыт можно определить как воплощение возможностей и практики развития и реформ, то постмодернизация, постмодернизм и постмодернистский опыт, похоже, подразумевают противоположное. Модерн означает восстание в том смысле, что он представляет собой индивидуальную и коллективную сознательность, социальный и политический потенциал. Постмодерн же означает в первую очередь принуждение, идет ли речь о принудительном перераспределении рабочей силы, вызванном деиндустриализацией, новой техникой и широким распространением временной работы, или о рынке, под воздействием которого социальные группы сегрегируются и замыкаются в себе.

Я пытался показать, что в настоящее время ведется важная дискуссия об условиях существования членов современных обществ, что анализ этих условий связывает, поначалу относительно грубо, но с развитием критики значительно более утонченно, структурные процессы социоэко-

номического развития при разворачивании капитализма (модернизация), культурное сознание и видение, выраженные средствами искусства, архитектуры и окружающей застройки (модернизм) и экзистенциальный опыт освобождения и неуверенности, сопровождающий процессы саморазвития личности в этих обстоятельствах (модерн). Модерн обладает пространственными и временными координатами, которые невозможно свести просто к степени развития и преобладающему способу производства, но и не учитывать их было бы тоже неправомочно.

Когда процессы, характерные для модернизации, а именно государственное вмешательство в социальное воспроизводство и экономическое производство, идеи зарождающегося эгалитаризма и коллективистской городской реформы деформировались, возможно, вследствие достижения параболой капиталистического развития своего пика, на сцену вышла деформированная версия модернизма. Постмодернизм как неглубокая, эстетически популистская, но явно сверхпотребительская культурная форма, при застройке городов сопутствует новому этапу рантьевого сверхнакопления, основанного на долгах третьего мира, военных расходах и бегстве капиталов в монетаристские гавани. К этому прибавляется существенная реструктуризация социальных производственных отношений, основанных на казуализации рабочих мест, неформализации и сверхэксплуатации все более гибкой рабочей силы. Опыт постмодерна состоит в крайне умножившихся доходах и унаследованном богатстве привилегированного меньшинства, способного создать собственную среду сверхпотребления, и в навязанном перераспределении рабочей силы, утрате надежных рабочих мест и возврате к социальным отношениям домодернистской эпохи одновременно с тем, как капитал отступает в более динамичные бастионы международных финансов, собственности, высоких технологий и военного производства.

Наконец, я старался показать на примере Лос-Анджелеса и Лондона, как именно сочетание деиндустриализации, возникновения субпролетарских, этнически разделенных масс доступной рабочей силы, гипертрофированной экспансии услуг для производителей, интернационализации ключевых финансовых потоков капитала, милитаризации ведущих отраслей промышленности и массового регрессивного перераспределения доходов приводит к созданию все более замкнутых и изолированных городских пространственных структур, преобладанию оборонительных архитектурных форм в ядре городского окружения, и — посредством соседства гиперпространства и сверхпотребления с незанятостью, частичной занятостью и ухудшающимися условиями обитания подвергающихся сверхэксплуатации низших классов — к возникновению новой, деградировавшей формы самого города.

Примечание

Я хотел бы выразить благодарность Джону Хассарду из UWIST, предоставившему мне неопубликованные материалы по связям между постмодернизмом и постструктурализмом. Я благодарен Майклу Диру, Аллену Хескину, Ребекке Моралес, Аллену Скотту и Эду Союе за физические и интеллектуальные экскурсии по Лос-Анджелесу и Джону Урри, а также Питеру Диккенсу и Дереку Грегори, обменявшимся со мной своими мыслями о модерне и постмодерне.

Перев. с англ. Николая Эдельмана

Библиография

- Abercrombie, N., and Urry, J. (1983) *Capital, Labour and the Middle Class*. London: George Allen and Unwin.
- Aglietta, M. (1978) *A Theory of Capitalist Regulation*. London: Verso.
- Albertsen, N. (1986) 'Towards Post-Fordist Localities? An Essay on the Socio-spatial Restructuring Process in Denmark'. Paper presented at XI World Congress of Sociology, New Delhi, August.
- Anderson, P. (1984) 'Modernity and Revolution'. *New Left Review* 144: 96-113.
- Ascherson, N. (1986a) 'Why Livingstone's GLC Has to Die', *The Observer* March 30: 11.
- Ascherson, N. (1986b) 'London's New Class: the Great Cash-in', *The Observer* May 25: 9.
- Ascherson, N. (1986c) «The New Rich Spend, the Old Rich Sulk», *The Observer* July 13: 9.
- Ascherson, N. (1986d) 'Stoke Newington: Settlers and Natives', *The Observer* August 3: 7.
- Berman, M. (1983) *All That Is Solid Melts Into Air*. London: Verso.
- Castells, M. (1977) *The Urban Question*. London: Edward Arnold.
- Cooke, P. (1986) «Britain's New Spatial Paradigm: Locality, Technology and Society in Transition», paper to XI World Congress of Sociology, New Delhi, August. Published in *Environment and Planning A* (1987), 19: 1289-1301.
- Damer, S. (1974) 'Wine Alley: the Sociology of Dreadful Enclosure', *Sociological Review* 22: 221-48.
- Davis, M. (1984) 'The Political Economy of Late-Imperial America', *New Left Review* 143: 6-38.
- Davis, M. (1985) 'Urban Renaissance and the Spirit of Postmodernism', *New Left Review* 151: 106-14.
- Derrida, J. (1978) *Writing and Difference*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Derrida, J. (1981) *Dissemination*. London: Athlone Press.
- Dews, P. (1986) 'Adorno, Post-Structuralism and the Critique of Identity', *New Left Review* 157: 28-44.
- Jameson, F. (1971) *Marxism and Form*. New Jersey: Princeton University Press.

- Jameson, F. (1984) 'Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism', *New Left Review* 146: 53-94.
- Lipietz, A. (1982) 'Towards Global Fordism?' *New Left Review* 132: 33-48.
- Lynch, K. (1960) *The Image of the City*. Cambridge: MIT Press.
- Lyotard, J.-F. (1984) *The Postmodern Condition: a Report on Knowledge*. Manchester: Manchester University Press.
- Mandel, E. (1975) *Late Capitalism*. London: Verso.
- Marx, K. (1973) *Grundrisse*. Harmondsworth: Penguin.
- Massey, D. (1984) *Spatial Divisions of Labour*. London: Macmillan.
- Paris, C. (1983) 'The Myth of Urban Politics', *Society and Space* 1: 89-108.
- Soja, E. (1986) 'Taking Los Angeles Apart: Some Fragments of a Critical Human Geography', *Society and Space* 4.
- Soja, E., Morales, R. and Wolff, E. (1983) 'Urban Restructuring: an Analysis of Social and Spatial Change in Los Angeles', *Economic Geography* 59: 195-230.
- Soja, E., Heskin, A. and Cenzatti, M. (1985) *Los Angeles through the Kaleidoscope of Urban Restructuring*. Graduate School of Architecture and Urban Planning, UCLA.
- Thrift, N. (1986) 'Localities in an International Economy: Introduction to the Workshop'. Paper presented to ESRC Workshop on Localities in an International Economy, Cardiff, September.
- Thrift, N. (1987) 'An Introduction to the Geography of Class Formation', in N. Thrift and P. Williams *Class and Space*, pp. 207-253. London: Routledge and Kegan Paul.
- Williams, R. (1983) *Towards 2000*. London: Chatto & Windus.